

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

DOI 10.35775/PSI.2025.114.2.007

УДК 32

В.В. ТИТОВ

доктор политических наук, ведущий

научный сотрудник Финансового университета

при Правительстве РФ; профессор Государственного университета управления,
Россия, г. Москва

E-mail: titov-msu@mail.ru

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается проблема институционализации государственной политики памяти в России в конце 2000-х – первой половине 2020-х гг. Отмечается, что в указанный период государство предприняло ряд последовательных шагов по выработке институциональных оснований, совершенствованию структуры и механизмов реализации политики в сфере массовой исторической памяти. Указывается, что в 2010-е – первой половине 2020-х гг. государственная политика памяти в России приобрела концептуальное наполнение и более выразительные институциональные очертания. За прошедшие полтора десятилетия она эволюционировала от узких консультативных форматов, направленных на противодействие фальсификации истории, к более разнообразным и гибким институциональным решениям и практикам.

Констатируется, что важной особенностью государственной политики в сфере исторической памяти является стремление политического руководства Российской Федерации опираться на уже существующий ценностно-смысловой потенциал массового сознания, последовательно выстраивать многоплановый исторический диалог с обществом. Однако отмечается, что задача полномасштабного институционального оформления государственной политики памяти в современной России все еще не решена полностью и по-прежнему сохраняет свою остроту. Указанное обстоятельство «институциональной незавершенности» государственной политики памяти сдерживает решение других приоритетных задач, прежде всего, в области стратегического управления общенациональным пространством памяти – его ценностной консолидации и позитивного символического наполнения.

Ключевые слова: политика памяти, образ прошлого, историческая память, государство, институционализация, институт национальной памяти, Российское военно-историческое общество.

Разнообразные политические вызовы, адресованные современной России и ставшие особо актуальными в первой половине 2020-х гг., требуют от государства последовательного решения важной стратегической задачи – обеспечения политико-психологической консолидации российского общества. Очевидно, что подобная консолидация может быть устойчивой только на основе единства ценностных ориентаций, символов и ключевых социально-исторических представлений, преобладающих в сознании россиян. К числу важнейших социально-политических представлений, обеспечивающих резистентность общественного сознания по отношению к генерируемым извне деструктивным информационным потокам, относится общенациональный образ прошлого [4; 14]. Общеизвестно, что основным инструментом формирования образа прошлого является государственная политика памяти, представляющая собой систематизированную и стратегически выверенную деятельность государства в сфере массовой исторической памяти [16. С. 769-770].

Следует отметить, что проблематика политики памяти весьма подробно проработана в зарубежной и отечественной политической науке. К числу наиболее заметных исследований в данной области следует отнести труды А. Ассман [1], Дж. Олика [17], О. Шмидке [18], Р. Водака [19], А.Ю. Бубнова [4], О.Ю. Малиновой [5], А.И. Миллера [6], И.С. Семененко [13]. При этом в западной научно-политической традиции политика памяти и роль государства в ее реализации, как правило, рассматриваются в более широком контекстуальном поле *memory studies*, сквозь призму формирования и воспроизводства пространства социальной памяти [1; 17; 18]. В российских исследованиях серьезный акцент сделан на концептуальную проработку политики памяти, осмысление ее структурных и функциональных составляющих [4; 6; 14; 15]. Однако справедливо полагать, что в реалиях современной России не менее актуальной также является проблема кристаллизации ценностно-смысловых императивов – «точек опоры» общенациональной памяти, способных предать устойчивость и когнитивную содержательность коллективному образу прошлого, складывающемуся в российском массовом сознании [15. С. 24].

Исследования российских и зарубежных ученых позволяют выделить как минимум четыре основных ракурса научного осмысления политики памяти. **Первый, несомненно, важный, ракурс – генетический**, связанный с содержательным наполнением, выделением ключевых особенностей и признаков политики памяти. **Второй ракурс – структурный** – предполагает осуществление структурной операционализации политики памяти, поиск наиболее приемлемых и эффективных механизмов и форматов ее реализации. Именно такой многоплановый взгляд позволяет выделить ключевые структурные поля политики памяти: концептуально-стратегические, ценностно-смысловое, символическое и функциональное. **Третий ракурс анализа политики памяти – инструментальный, государственно-идеологический**, в рамках которого выработка и реализация разнообразных мемориальных практик мыслится преимущественно в государство-центричном ключе, с позиции превалирования государственных

институтов над обществом [7]. То есть, речь, как правило, идет о вертикальных форматах государственно-общественной коммуникации, предполагающих формализованное «продвижение» государственного исторического нарратива в разнообразные пространства «социальной повседневности» граждан. **Четвертый ракурс** можно определить как **политико-психологический, или более широко, как социально-контекстуальный**. В его рамках на первый план выходит проблема соответствия государственной «исторической повестки» массовым социально-политическим ожиданиям, часто неоднородным по своему содержанию и эмоциональной выразительности ценностно-символическим основаниям массового сознания [14]. Можно полагать, что всестороннее осмысление политики памяти современных государств, ее концептуальных и функциональных оснований, должно опираться на синтез четырех указанных ракурсов – генетического, структурного, инструментального и политико-психологического. При этом, на наш взгляд, с практической точки зрения, учитывая политические реалии современной России, наибольший интерес вызывает именно анализ институционального фундамента и контекстуальных аспектов выработки и реализации государственной политики памяти.

Важно отметить, что проблема институционализации и выработки стратегических ориентиров государственной политики памяти остро обозначилась в России на рубеже 2000-2010-х гг. [15; 16]. К тому времени во многих восточно-европейских странах уже активно функционировали институты национальной памяти, деятельность которых носила не только выраженный «антикоммунистический», но и во многом откровенно русофобский характер. Так, Институт национальной памяти в Польше был создан еще в 2000 году, Институт национальной памяти в Словакии – в 2002 году, украинский институт национальной памяти – в 2006 году, Институт изучения тоталитарных режимов в Чехии – в 2007 году, Институт исторической памяти в Эстонии начал свою деятельность в 2008 году. Несомненно, деятельность данных структур способствовала резкой эскалации «войн памяти», как на постсоветском пространстве, так, отчасти, и в общеевропейских масштабах [3].

По существу, к концу первого десятилетия XXI века российская государственность оказалась в центре многовекторной внешней «исторической атаки», направленной не только против «тоталитарного» советского исторического периода, но и с акцентом на негативизацию образа «исторической России» в целом [14; 16]. В этих условиях вполне закономерным шагом явилось образование в 2009 году Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам Российской Федерации. Перечень основных задач Комиссии включал в себя, в том числе, выявление самих фактов исторической фальсификации, выработку «стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России», а также координацию «деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [8].

Таким образом, круг задач данной Комиссии изначально прямо предполагал, что на нее возлагаются не только мониторинговые и консультативные, но и более объемные функции, напрямую связанные с процессами стратегического управления общественным сознанием. Тем не менее, оценивая работу данной комиссии, необходимо отметить, что широкий круг поставленных перед ней задач слабо коррелировал с ее крайне ограниченным административным потенциалом и статусом совещательного органа. Справедливо полагать, что позитивный политико-управленческий эффект, которого можно было бы ожидать от деятельности указанной комиссии, в известной степени, был изначально поставлен под сомнение (во многом нивелирован) самим фактом отсутствия в ее распоряжении необходимых организационных и административных ресурсов, дефицитом проработанных механизмов прямого регулирования российского пространства исторической памяти.

Однако необходимо отметить, что ни сам факт ликвидации комиссии в феврале 2012 года, ни сдержанные оценки ее деятельности не должны рассматриваться односторонне, как признание «поражения» российского государства в борьбе с историческими фальсификациями. Безусловно, комиссия не решила стратегических задач, но опыт, накопленный в ходе ее деятельности, представляется актуальным в свете дальнейшей трансформации политики памяти в России.

Следующим важным шагом по институционализации государственной политики памяти в России стало учреждение Российского военно-исторического общества (РВИО), которое было создано указом Президента России № 1710 от 29 декабря 2012 года «в целях консолидации сил государства и общества в изучении военно-исторического прошлого России, содействия изучению российской военной истории и противодействия попыткам ее искажения, обеспечения популяризации достижений военно-исторической науки, поднятия престижа воинской службы и воспитания патриотизма» [9]. Характерно, что учредителями данной организации были обозначены Министерство культуры и Министерство обороны Российской Федерации. Также весьма показательным, что РВИО изначально получило статус общественно-государственной организации, что свидетельствовало о стремлении государства более активно использовать диалоговые форматы взаимодействия с гражданским обществом, опираться на его ценностно-смысловой потенциал в процессе формулирования стратегических приоритетов в сфере общенациональной исторической памяти [9].

Важно заметить, что создание Российского военно-исторического общества знаменовало переход государства от попыток узкой (в формате ограниченного экспертного сообщества) концептуализации основ деятельности государства в исторической сфере к более гибким формам и механизмам воздействия на массовое историческое сознание российских граждан. При этом особый акцент был сделан на воспитание патриотизма, популяризацию военной истории России, а также координацию усилий государственных институтов и общественных объединений в сфере исторического просвещения и сохранения исторической памяти.

Однако следует особо отметить, что «смешанный», общественно-государственный статус РВИО также нес в себе и определенные инструментальные преимущества для руководства России, поскольку позволял государственным институтам, при необходимости, дистанцироваться от некоторых инициатив, выдвигаемых отделениями и руководством РВИО. В данном контексте показателен пример конфликтной ситуации вокруг установки мемориальной доски К. Маннергейму в Санкт-Петербурге в 2016 году. Указанная инициатива была первоначально активно поддержана РВИО, однако высшее политическое руководство России от нее дистанцировалось [2].

Очевидно, что рост глобальной конфликтности в начале 2020-х гг., резкая эскалация информационно-политического противоборства России со странами Запада – все эти факторы потребовали от российского руководства новых шагов в области исторической политики и защиты ценностных оснований общероссийской национальной памяти. Так, важным шагом в сфере институционализации государственной политики памяти в России стало создание Межведомственной комиссии по историческому просвещению. Она была образована 30 июля 2021 года «в целях обеспечения планомерного и наступательного подхода к вопросу отстаивания национальных интересов Российской Федерации, связанных с сохранением исторической памяти и развитием просветительской деятельности в области истории» [10].

Заметной вехой в развитии институциональной организации и закреплении стратегического характера политики памяти в России стало создание автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» (декабрь 2023 года) [11]. Представляется, что учреждение указанной институциональной структуры стало особенно востребованным именно в современных условиях, когда Россия, будучи в состоянии острой геополитической конфронтации со странами Запада, столкнулась с очередной, более масштабной и агрессивной, «волной» ведущихся против нее (в том числе, с применением новейших цифровых технологий) «войн памяти».

Характерно, что при всей значимости решения о создании Национального центра исторической памяти, государство, тем не менее, в очередной раз отказалось от формулирования не только стратегии, но даже четко выстроенной системы общенациональных приоритетов в сфере политики памяти. Весьма симптоматично, что декларируемая цель создания центра была ограничена лишь «сохранением и защитой» традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти [11]. Можно полагать, что подобный подход свидетельствует о сохраняющейся хронической лакуарности смыслового поля государственной политики памяти в России, а также о неготовности государственных институтов предложить широкую стратегию формирования общероссийского пространства исторической памяти (и тем более, взять на себя ответственность за ее реализацию).

Внимание государства к сфере исторического просвещения стало еще более пристальным в условиях Специальной военной операции вооруженных сил

РФ на Украине. Так, в мае 2024 года был издан Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [12]. В нем говорится, что целями государственной политика в области исторического просвещения являются «формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [12]. Несомненная значимость данного указа заключается в том, что были четко обозначены ценностные ориентиры и концептуально-стратегический характер государственной политики в области исторического просвещения. Безусловно, важным является и прямое обращение к проблеме общероссийской гражданской идентичности, которое уже в среднесрочной перспективе может стать идейно-политическим основанием для концептуализации государственной политики идентичности как более широкого (чем политика памяти) стратегического комплекса, включающего в себя, в том числе, деятельность государства в сфере конструирования общенационального образа прошлого. Вместе с тем, показательно, что (не смотря на развернутый перечень целей и задач) рассматриваемый указ не содержит каких-либо положений, конкретизирующих структурную организацию государственной политики в области исторического просвещения [12].

Таким образом, можно констатировать, что в 2009-2024 гг. российское государство весьма последовательно и целенаправленно решало задачи, связанные с институционализацией государственной политики памяти. В то же время очевидно, что поиск наиболее приемлемых и эффективных форматов институциональной организации деятельности государства в сфере массовой исторической памяти еще далек от своего завершения. Очевидно, что стратегические геополитические вызовы, обозначившиеся перед Россией в 2020-е гг., ставят на повестку дня выработку масштабной и устойчивой институциональной конфигурации государственной политики памяти, отвечающей современным реалиям, а также социально-политическим запросам и психологическому состоянию российского общества. В частности, важной задачей представляется поиск механизмов актуализации исторической деятельности государства в цифровой среде, более активное продвижение конвенциональных исторических нарративов в конкурентном и динамичном интернет-пространстве.

По нашему мнению, важной тенденцией является то, что государство, реализуя различные институциональные решения, не стремится к форсированной «монополизации» сферы массовой исторической памяти, выстраиванию сугубо вертикального императивного подхода к интерпретациям прошлого России, а ориентировано на сохранение и развитие диалоговых форм взаимодействия с обществом. Свидетельством такого взвешенного отношения к проблемам формирования исторического сознания является, в том числе, общественно-государственный или негосударственный статус организаций, призванных продвигать ключевые инициативы российской власти в области истории и исторического просвещения.

Таким образом, необходимо признать, что сегодня, в условиях не завершенной институционализации государственной политики памяти в России, остается открытым вопрос выработки ее стратегических направлений и ценностно-смысловых доминант. Представляется, что долгосрочное планирование и успешная реализация государственной политики в сфере массовой исторической памяти будут эффективны только при решении ключевой организационно-управленческой задачи, связанной с ее институциональным и структурным оформлением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ассман А.** Забвение истории – одержимость историей. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
2. Блокада Ленинграда, «доска Маннергейма» и забытые уроки истории // РИА Новости // <https://ria.ru/20160908/1476401912.html>.
3. **Бордюгов Г.А.** «Войны памяти» на постсоветском пространстве. Москва: АИРО-XXI, 2011.
4. **Бубнов А.Ю.** Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4.
5. **Малинова О.Ю.** Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87).
6. **Миллер А. И.** Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. 2020. № 1.
7. **Михник А.** Историческая политика, российский вариант // Родина. 2006. № 6.
8. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 года № 549 // Интернет-портал «Российской газеты» // <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html>.
9. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество». Указ Президента Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 1710 // Президент России. Официальный сайт // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36611>.
10. О Межведомственной комиссии по историческому просвещению. Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 № 442 // Информационно-справочная система «Консультант плюс» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391902/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/.
11. О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации. Указ

- Президента Российской Федерации от 02.11.2023 г. № 817 // Президент России. Официальный сайт // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49912>.
12. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 // Президент России. Официальный сайт // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>.
13. **Семененко И.С.** Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 11.
14. **Титов В.В.** Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Москва: «Ваш формат», 2017.
15. **Титов В.В.** К вопросу о направлениях модернизации государственной политики памяти в России // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8 (109).
16. **Титов В.В.** Государственная политика памяти в России: тенденции трансформации в первой четверти XXI века // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 4 (57).
17. **Olick J., Robbins J.** Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. № 24.
18. **Schmidtke O.** Competing Historical Narratives: Memory Politics, Identity, and Democracy in Germany and Poland // Social Sciences. 2023. № 12.
19. **Wodak R., de Cillia R.** Commemorating the Past: the Discursive Construction of Official Narratives about «Rebirth of Second Austrian Republic // Discourse & Communication. 2007. № 3.

V.V. TITOV

Doctor of Political Sciences, Professor
of the Department of Public and Municipal Administration
of the State University of Management,
Moscow, Russia

MEMORY POLICY IN RUSSIA: THE PROBLEM OF INSTITUTIONALIZATION AND STRATEGIC MANAGEMENT

The article examines the problem of institutionalization of the state memory policy in Russia in the late 2000th – the first half of the 2020th. It is noted that during this period, the state took a number of consistent steps to develop institutional foundations, improve the structure and mechanisms for implementing policies in the field of mass historical memory. It is indicated that in the 2010th – the first half of the 2020th the state policy of memory in Russia acquired conceptual content and more expressive institutional outlines. Over the past fifteen years, it has evolved from narrow consulting formats aimed at countering the falsification of history to more diverse and flexible institutional solutions and practices.

It is stated that an important feature of the state policy in the area of historical memory is the desire of the political authorities of the Russian Federation to rely on the already existing value potential of mass consciousness, to consistently build a multifaceted historical dialogue with society. However, it is noted that the task of full-scale institutionalization of the state policy of memory in modern Russia is still not fully solved and still remains acute. This circumstance of the «institutional incompleteness» of the state memory policy hinders the solution of other priority tasks, primarily in the field of strategic management of the national memory space – its value consolidation and positive symbolic content.

Key words: memory policy, image of the past, historical memory, state, institutionalization, Institute of National Memory, Russian Military Historical Society.